

Геннадий Обатнин

К ТИПИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРЬЕРЫ М. КУДАШЕВОЙ (КЮВИЛЬЕ)¹

Феномен русского-французского литературного двуязычия русской культуры достаточно известен, однако научное его изучение началось не слишком давно. По воспоминаниям Ф.С. Сонкиной, в начале 1980-х гг. Ю.М. Лотман в соавторстве с лингвистом и переводчиком В.Ю. Розенцвейгом² задумали составить антологию из произведений русских писателей, писавших на французском, назвав ее «Французский Парнас русских писателей»:

Он с увлечением работал, готовя книгу для издательства «Прогресс». Но там испугались текстов Чаадаева. Полтора века назад их автора объявили сумасшедшим. Теперь главный редактор советского издательства отказывался включить его тексты в планируемую Ю.М. книгу. Ю.М. при мне звонил главному редактору «Прогресса» и сказал ему буквально следующее: «Наша квалификация не позволяет нам подписаться под текстами, где не будет Чаадаева». Не пойдя на компромисс, они с Розенцвейгом забрали книгу из издательства³.

Статья Лотмана «Русская литература на французском языке» (дата под текстом — 1988) была впервые опубликована во втором томе известного таллиннского трехтомника «Избран-

---

¹ Настоящая работа представляет собой выдержки из подготовленной нами к печати книги «М.П. Кудашева-Роллан: русские годы».

² Сферой научных и организаторских интересов Розенцвейга были машинный перевод, экспериментальная и прикладная лингвистика, а также языковые контакты (обзор его кипучей деятельности см. в работе: *Успенский В.А. Серебряный век структурной, прикладной и математической лингвистики в СССР и В.Ю. Розенцвейг: Как это начиналось (заметки очевидца) // Festschrift für Viktor Jušević Rozencvejk zum 80. Geburtstag.* Wien, 1992. S. 120—162 (Wiener Slawistischer Almanach. Sbd. 33).

³ Сонкина Ф.С. Юрий Лотман в моей жизни. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 2016. С. 98.

ных статей» в 1992 г. Однако и задуманная книга под заглавием «Русская литература на французском языке: французские тексты русских писателей XVIII — середины XIX веков» все же была издана в 1994 г., составив 36 Sonderband «Венского славистического альманаха»⁴. Здесь статья Лотмана появилась на своем законном месте, как и работа Розенцвейга «Русско-французское литературное двуязычие XVIII — середины XIX века». Благодаря обращению в архив Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц в Таллинском университете и щедрой помощи его хранителя, Т.Д. Кузовкиной, стало возможным сделать два уточнения к истории подготовки этого издания. Во-первых, причина, названная Сонкиной в качестве основной, возможно, таковой не являлась. Дело в том, что, судя по разгневанному письму крайне недовольного составом тома заведующего редакцией литературы по философии и лингвистике Л.В. Блинникова от 24 марта 1986 г., «Прогресс» лишь готовил рукопись книги для дальнейшего ее издания в известном французском издательстве «Галлимар». Блинников сообщал, что во Франции недавно были уже изданы письма Чаадаева, поэтому предлагал ограничиться публикацией одного целиком и выдержками из других. Второй важный для нас момент относится к стадии замысла антологии: в письме Розенцвейга к Лотману от 16 июля 1984 г. говорится о гораздо более обширном плане:

Вам, должно быть, уже известно, что руководство издательства решилось, наконец, включить в план (на 1987 г.) французские тексты. Имеется в виду поручить составление Вам и мне, вводную литературоведческую статью — Вам, лингвистическую — мне, вступительные заметки и комментарий к разделам и авторам — Вам, В.В. Иванову, В.Н. Топорову и Б.А. Успенскому, языковой комментарий — мне. Объем — 23 п.л. (20 л. — тексты, 3 л. — аппарат). Содержание: XVIII в. — до Пушкина (включительно). Не

---

⁴ Ср. в статье В.В. Иванова «Русская диаспора: язык и культура» (1992—1993): «Обидно, что долго не находила себе издателя составленная Ю.М. Лотманом и В.Ю. Розенцвейгом антология французских стихов русских поэтов» (Иванов В.В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2000. Т. II. Статьи по русской литературе. С. 700). К моменту выхода книги одного из составителей уже не было в живых, а второй проживал в Бостоне (см.: Мельчук И. Виктор Юльевич Розенцвейг (1911—1998) // Вестник РГГУ. 2012. № 8 (88). С. 214).

пишется, но держится в уме, что за этой книгой последуют еще две — XIX в. и XX в.⁵

На обложке вышедшей в Германии книги в качестве составителя назван Розенцвейг, и окончательный вариант состава антологии включает в себя Третьяковского, графа Шувалова, князя Белосельского-Белозерского, графа Воронцова, Радищева, Карамзина, Жуковского, Орлова, князя Барятинского, Муравьева-Апостола, Кюхельбекера, Лунина, Пушкина, Зинаиду Волконскую (дочь Белосельского-Белозерского), Лермонтова, Тютчева, Чаадаева (в полном объеме) и Герцена. Интересно, что в упомянутом письме к Лотману Блинников, протестуя против включения «крайне легковесных» текстов Третьяковского, особенно указывал именно на Герцена, которым предлагал как бы компенсировать монархическое письмо Тютчева.

Видимо, составители антологии, рассчитывая на французского читателя, желали дать ему прежде всего любопытные образчики творчества знаменитых русских литераторов. Комментированию этих текстов и судеб их авторов в основном и посвящена статья Лотмана, как в целом и работа Розенцвейга. Среди наблюдений первого из них для нас представляет интерес упоминание о маргинальном, дилетантском и домашнем характере французских произведений русских писателей, а также о женской и детской литературе, возникающей на этом языке⁶. Среди составленных Лотманом подготовительных списков источников для состава книги находится и библиография Григория Геннади (Книжника) «*Les écrivains franco-russes. Bibliographie des ouvrages français publiés par des Russes*» (Dresde, 1874, 89 p.) — автора, известного своим выбором неординарных предметов для библиографирования.

Беглый взгляд на библиографию Г. Геннади показывает, что в русской-французской литературе генеральной была публицистика и документальная проза. Основную массу этих произведений составляют рассуждения и речи по разным поводам, полемическое богословие, мемуары, записки, травелоги, труды по нумизматике, географии и (в весьма небольшом количе-

---

⁵ Здесь уже было названо имя редактора (М.А. Оборина), а в дальнейшем к копированию текстов была привлечена А.А. Зализняк.

⁶ *Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Таллинн, 1992. Т. II. С. 355.*

стве) эротические сочинения, изданные на французском как в России, так и за ее пределами. На странице 83 среди списка анонимных текстов учтен и такой: «Lettre d'un russe à Mr Gustav Kolb» (Munich, 1844), в то время как его автор под своим настоящим именем Théodore Tutcheff представлен и в основном списке. Дипломаты, кстати, составляют отдельную группу авторов, причем некоторые из них сочиняли не только публицистику. Например, Элим Мещерский, атташе и посланник в Сардинии и Франции, издал в Париже в 1845 и 1846 гг. два сборника стихов, первый из которых носил романтическое название «Les Roses noires». А Ксавье Лабенски, статский советник министра иностранных дел, в 1820—1840 гг. регулярно публиковал в Лондоне и Берлине свои сборники стихов под псевдонимом Jean Polonius, которым, видимо, хотел подчеркнуть то ли свои польские корни, то ли интерес к Шекспиру. В качестве основы для появления подобных писателей Геннади в кратком предисловии к своему труду справедливо назвал воспитание дворянских детей, которых учат не только писать, но и мыслить на французском. Граф Разумовский, князь Мишель Галицын и многие другие, чьи имена вошли в библиографию, даже писать на русском не умеют, замечал ее составитель. Разумеется, существовали и сочинения иностранцев, изданные на французском в России. К ним относятся в первую очередь труды военных, но не только. Например, А. Казем-Бек, профессор арабских языков в С.-Петербургском университете и перс по происхождению, публиковал свои учебники на французском. Именно на французском придворный преподаватель В. Жуковский издал в 1818 г. очерк русской грамматики для своей ученицы великой княгини Александры Федоровны.

Дворянская поэзия и проза на этом языке появляется уже в XVIII в. и продолжается и далее; на французском выходят сочинения Н. Греча, графа Sollohub и Герцена. В 1789 г. в Париже были опубликованы «Poésies française d'un prince étranger»⁷ А.М. Белосельского-Белозерского, чье творчество представлено и в антологии Лотмана-Розенцвейга, а среди трудов многочисленных Голицыных можно упомянуть французский роман Эммануэля (1837). Николай Борисович Голицын (1795—1866) не только сам писал стихи, но и Пушкина с Козловым на фран-

---

⁷ «Французские стихи князя-иностранца» (франц.)

цузский переводил. Отметим, что переводы русской литературы составляют важную часть этого корпуса текстов. «Синав и Трувор» Сумарокова был переведен кн. А. Долгоруким, «Оду на смерть князя Мещерского» Державина перевел А. Киреев (1830), А. Данилевский переложил французской прозой «Вадима» Жуковского (М., 1819). Именно здесь мы регулярно встречаем и женские имена: так, «Чернеца» Козлова в 1831 г. прозой перевела небезызвестная А.Д. Баратынская, урожденная Абамелек (ее муж — брат поэта), и она же написала на французском роман «Талисман»; лермонтовского «Демона» переложила во французские стихи Т. Амосова.

В небезызвестном справочнике князя Н.Н. Голицына «Библиографический словарь русских писательниц» авторы, писавшие на иностранных языках, даже выделены в специальный раздел⁸. Разумеется, и «Записки» Екатерины Великой, и ставшая фактом русской словесности благодаря «Фелице» Державина ее сказка о царевиче Хлоре тоже были созданы на французском⁹. Политическая, религиозная и страноведческая публицистика женщин также имела место, однако по очевидным причинам встречается существенно реже мужской (см. все же сочинения Е.М. Флоровой-Багреевой, 1797—1855, выходившие в основном в Вене, Брюсселе и Лейпциге). Зато в сфере собственно литературы женщины-франкофоны выглядят совершенно равноправными. Добавим, что к французскому иногда обращались поэтессы, основным языком творчества которых был русский. Так, Каролина Павлова, охарактеризованная Геннадии просто как «*poète russe*»¹⁰, была автором сборника стихов и переводов (В. Скотт, Гёте, Шиллер, Мицкевич) под названием «*Les préludes*» (Paris, 1839), а также перевода трагедии Шиллера «Жанна

⁸ Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. СПб., 1889. С. 286—308.

⁹ Попытку описать на основе теории П. Нора о «местах памяти» возникшую из этого традицию можно найти в книге: Poulton L. The Influence of French Language and Culture in the Lives of Eight Women Writers of Russian Heritage. Lewinston; Queenston; Lampeter, 2002 (Slavic Studies. Vol. 9). Здесь, кроме Екатерины Великой, обозревается жизнь и творчество княгини Е. Дашковой, М. Башкирцевой, графини де Сегюр, Н. Саррот, И. Немировской, Э. Триоле и Зои Ольденбург, внучки академика и дочери эмигрантского журналиста, у которой автор успела взять телефонное интервью.

¹⁰ Grégoire Ghennady. Les écrivains franco-russes. Bibliographie des ouvrages français publiés par des Russes. Dresde, 1874. P. 49.

д'Арк» на французский язык. Евдокия Ростопчина, «poète très sonnie»¹¹, сборника на французском не выпустила, но стихи на нем сочиняла. Напомним, что творчество обеих послужило объектом внимания поэтов-модернистов, в первую очередь В. Брюсова и В. Ходасевича. Однако для биографии М. Кювилье важнее тот факт, что ее гимназический учитель литературы Ю. Веселовский также был одним из тех, кто, следуя моде на женскую поэзию, старался вернуть в литературный пантеон имя Ростопчиной¹².

Как резюмировал Лотман в упомянутой статье, «“Женщина-автор” — один из идеалов культурной программы Карамзина»¹³. В этой связи укажем на поэтический сборник «Poésie de Marie Hlopoff» (1850, 142 с.), изданный в московской типографии А. Семена¹⁴. Здесь основным ориентиром объявлено творчество Ламартина, а содержание в целом неплохо передают рифмы одного из первых стихотворений: sourire: rire, bonheur: malheur, illusion: déception¹⁵. Помимо воспоминаний о путешествиях, по Италии в особенности, рассуждений из области божественного и романтического ориентализма, автора занимает мимолетность собственных переживаний (см. характерное название:

¹¹ «достаточно известная поэтесса» (франц.); Grégoire Ghennady. Les écrivains franco-russes. P. 58.

¹² В марте 1913 г. он прочел о ней доклад, см. неподписанную хроникальную заметку: Забытая поэтесса // Голос Москвы. 1913. 7 марта. № 81. С. 5; позднее вошел в сборник его статей «Этюды по русской и иностранной литературе» (1913).

¹³ Лотман Ю.М. Русская литература на французском языке. С. 358.

¹⁴ В справочнике Голицына, сославшегося на вышеупомянутую библиографию Геннади, о самой Хлоповой более не прибавлено ни слова (Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. С. 307); не попала она и в дополнения к «Словарю», см.: Пономарев С.И. Наши писательницы. СПб., 1891 (Оттиск из «Сб. Отделения рус. яз. и словесности Имп. акад. Наук». Т. 52, № 7). Находясь на службе в качестве инспектора Московской синодальной типографии, француз А. Рене-Семен (1783—1862) с 1820 г. арендовал типографию Московского отделения Медико-хирургической академии, которую превратил в образцовую (в ней, в частности, был издан ряд книг А.С. Пушкина). Кроме того, Семен владел французской книжной лавкой и библиотекой для чтения на Кузнецком мосту. По сведениям Б.Л. Модзалевского, он продал свою типографию уже в 1846 г., однако по условиям договора она и позже «сохраняла фирму своего основателя» (Модзалевский Б.Л. Август Иванович Семен. СПб., 1903. С. 6).

¹⁵ «удыбаться: смеяться, счастье: беда, иллюзия: разочарование» (франц.); Hlopoff M. Poésie. M.: Imprimerie d'Alexandre Semen, 1850. P. 30.

«La pensée fugitive», где эта самая мысль названа «le flambeau de mon âme»¹⁶). Волновали поэтессу и простые девческие темы, как в стихотворении «Seize ans!»¹⁷.

В той же типографии Семена издавала свои книги и Е.Д. Улыбышева¹⁸. В Москве вышли три сборника ее стихов: «Étincelles et Cendres» (1842) «Pensées et Soucis» (1843) и «Épines et Lauriers» (1845), а также документальная проза «Journal d'une Solitaire» (1853)¹⁹. Уже в «Тернии и лавры» был включен раздел стихотворений на русском языке, а через двадцать лет поэтесса выпустила двуязычный поэтический сборник «Последняя песнь лебедя». В предисловии Издателя к нему было сказано, что первый сборник Улыбышевой имел «большой успех и возбудил всеобщее любопытство и участие», а стихи «были одобрены французскими и русскими журналами и находились на столах всех модных салонов нашей северной столицы»²⁰. В за-

¹⁶ «Беглая мысль», «пламенник моей души» (*франц.*); Hlopoff M. Poésie. P. 139.

¹⁷ «Шестнадцать лет!» (*франц.*); Hlopoff M. Poésie. P. 35.

¹⁸ О ней см.: Голицын Н.Н. Библиографический словарь русских писательниц. С. 253. Улыбышева была сестрой Е. Пановой, адресата «Философических писем» Чаадаева, а их брат, А.Д. Улыбышев (1794—1858), член «Зеленой лампы» и «Союза благоденствия», писатель и музыкальный критик, хорошо известен специалистам по пушкинской эпохе; из последних работ о нем см.: Niqueux M. L'utopie décembriste de A. Ulybysev «Un rêve» (1819). Publication de l'original en français // Cahiers du monde russe. 2009. Vol. 50. № 4. P. 737—755; <http://journals.openedition.org/monderusse/9916>, дата последнего просмотра 21.1.2018). В кембриджской «Истории женского письма в России» Улыбышева упомянута в библиографической части («Bibliographical guide to writers and their works»), но сведения о ней здесь даются в том же объеме, что и в словаре Голицына (Barker A.M., Gheith J.M. A History of Women's Writing in Russia. Cambridge, 2002. P. 360). Некоторую информацию о поэтессе можно получить также из работы: Талашов Г.П. Некрасов в пародии Елизаветы Улыбышевой // Карабиха: Ист.-лит. сб. Ярославль, 1997. Вып. 3. С.158—163.

¹⁹ «Искорки и пепел», «Мысли и заботы», «Тернии и лавры», «Дневник одинокой» (*франц.*). Публикация последнего сочинения сопоставима с литературным поведением Беттины фон Арним, и в самом деле, одно из стихотворений Улыбышевой снабжено эпитафией из нее (см.: Oulibicheff E. Épines et Lauriers suivis de Juif Errant, de la Nonne Sanglante, et de Quelques Essais de Vers Russes. Moscou, 1845. P. 76).

²⁰ Последняя песнь лебедя. Русские и французские стихотворения Елизаветы Улыбышевой. М.: В типографии Семена, 1864. С. 3. Сборник «Тернии и лавры» открываются разделом, содержащим «тернии или подлиннее разговоры в московских гостиных» о ней (Р. 23), а далее следуют «лавры», то есть выписки из рецензий на ее поэтические книги, на «Мысли и заботы»

дачи настоящей статьи не входит детальное погружение в эти поэтические книги, однако нельзя не отметить двух важных особенностей по крайней мере первой из них. Это заметное количество переводов из русской поэзии (четыре стихотворения Пушкина, одно Раича и романса «Я жду тебя»), а также демонстративный макаронизм. Уже первое стихотворение книги называется «La Хандра» и имеет эпиграф из И. Козлова на русском; названия переводимых стихотворений также даны на языке оригинала (например, «Старый муж, грозный муж. Chanson bohémien. Traduit de Pouchkine»²¹). Очевидно, что горизонт читательских ожиданий у таких текстов предполагает как минимум билингвизм и некоторую осведомленность в текущей русской поэзии, т.е. они обращены к определенной аудитории, подобно домашнему сочинительству. Приметы последнего легко находимы и в других текстах сборника — экспромтах или таких стихотворениях, как «Adieu a une maison de la Pakrovka»²². К этой же категории надо отнести неоднократные обращения на обоих языках в стихах к своему мопсу²³.

Разумеется, с постепенной утратой доминирования дворянства в сфере литературы традиция литературного двуязычия к прошлому рубежу веков значительно ослабла, однако план Розенцвейга продолжить издание, упомянутый в процитированном выше письме к Лотману, все же был осуще-

---

преимущественно, из «Отечественных записок», «Современника», «Маяка», «Москвитянина» и «Литературной газеты».

²¹ *Elise d'Oulibicheff. Etincelles et Cendres*. М., 1842. P. 11, 53. Переводческая деятельность Цветаевой, которая переложила на французском не только стихи Пушкина, но и стихотворение О. Мандельштама «Сумерки свободы», а также свою собственную поэму «Молодец» и стихотворение «Каменногрудый», внутри этой традиции видится органичной. Напомним, что Эльза Триоле также переводила из В. Маяковского.

²² «Прощание с домом на Покровке» (*франц.*); *Elise d'Oulibicheff. Etincelles et Cendres*. P. 84—85

²³ Приметы подобного «неопытного» сочинительства непреходящи. Достаточно сравнить, напр., ее обращение к своей собаке: «Голубочек ты мой милый, / Ненаглядный мопсик мой, / Отчего такой унылый / Вдруг бываешь ты порой?» (*Улыбышева Е. Последняя песнь лебедя*. С. 49) с известным детским стихотворением А. Блока: «Жил на свете котик милый / Постоянно был унылый — / Отчего — никто не знал, / Котя это не сказал». Правда, блоковского кот от улыбышевского мопса выгодно отличает неразговорчивость, а все блоковское стихотворение — аллюзия на пушкинскую строку «Жил на свете рыцарь бедный».

ствим. Умение, если потребуется, сочинять любительские стихи или женскую прозу на французском полностью не исчезло. Сошлемся на два примера. Первый — французское стихотворение маргинального поэта Николая Гейнрихсена «Для памяти (Tout á coup — un éclat!)»²⁴, у которого, кстати, некоторые творения снабжены построфным переводом и на немецкий²⁵. Если владение Гейнрихсеном русским языком порой вызывает законное недоумение, то второй случай более показателен: в книге Сергея Кречетова (Касагкина) «Шалости пера: Шуточные стихотворения» помещен французский мадригал «A madame de ***»²⁶. Вдобавок упомянем А.М. Аничкову, выпускавшую французские романы под псевдонимом Ivan Strannik, а также французские рассказы З. Гиппиус. О современном росте интереса к писателям, творящим на втором родном языке, свидетельствует среди прочего выход сборника научных статей «Écrivains franco-russes» (2008), аттестованного его составительницей в первой же строке предисловия как «un survol des écrivains d'origine russe»²⁷. Здесь мы встретим работы, посвященные аматёрам от литературы и писательницам, вышедшим замуж во Францию (как Зинаида Волконская или Эльза Триоле); особую группу составляют работы о русских эмигрантах между мировыми войнами, пробовавших свои силы в литературе по-французски. Наиболее заметными оказались отпрыски именно этого поколения, усвоившие язык либо от гувернанток, либо уже за границей: Ирен Немировски, Ален Боске, Ромен Гари, Анри Труайя, Жозеф Кессель и его племянник Морис Дрюон, Натали Саррот; ныне эта традиция продолжается в лице Егора Грана²⁸.

²⁴ «Внезапно — вспышка!» (франц.)

²⁵ Гейнрихсен Н. Трепет зари. Верный, 1913. С. 31. Очерк его биографии и творчества см.: Соболев А.Л. Летейская библиотека: Биографические очерки. М., 2013. С. 79—88.

²⁶ Кречетов С. Шалости пера: Шуточные стихотворения. СПб., 1892. С. 64.

²⁷ «обзор писателей, русских по происхождению» (франц.); Clément M.L. Introduction // Écrivains franco-russes / Sous la direction de Murielle Lucie Clément. Amsterdam; New York, 2008. P. 5.

²⁸ Свежая републикация рецензий Ю. Мандельштама из газеты «Возрождение» добавляет к этому списку ряд менее известных имен: В. Франчича, И. Леграна, К. Грюнвальда, М. Матвеева, Эммануэля Бова (Бобовникова), Н. Городецкую, Н. Брянчанинова, В. Горелого, Н. Френкель, С. Полякову, Г. Агаджаняна и Д. Райцина (Мандельштам Ю. Статьи о франко-русских

* * *

М.П. Кудашеву-Роллан (Майю Кювилье) также смело можно назвать франко-русской писательницей, и поэтому вышесказанное имеет отношение к описанию ее литературного пути. Авторизованных появлений ее стихов в альманахах и сборниках на настоящий момент известно три: пять французских стихотворений за подписью Майя Кювилье во «Втором сборнике Центрифуги» (1916), подборка из трех ее русских стихотворений в феодосийском альманахе «Ковчег» в 1920 г. и одно — в антологии Союза поэтов «Поэты наших дней» (1924)²⁹. В 1926 г. в Париже вышла книга ее стихов «Jusqu'à l'aube. Moscou, 1924» под именем княгини Кудашевой³⁰, и еще через

прозаиках / Публ. Е. Дубровиной // Новый журнал. 2017. № 286. С. 253—281; № 287. С. 221—237).

²⁹ По сведениям В. Купченко (см.: Купченко В. Труды и дни Максимилиана Волошина. 1917—1932. СПб., 2007. С. 89), Кудашева была в числе сотрудников феодосийского альманаха «К искусству!» (1919, № 2), однако проверить эти сведения нам не удалось. Список ее посмертных публикаций в периодике столь же невелик. Три стихотворения Кудашевой, судя по отчету, публично прочитанные после отходной, были опубликованы в «Бюллетене друзей Фонда Ромена Роллана» (Bulletin des Amis du Fonds Romain Rolland. 1984—1985. № 147—150. P. 9), который был кем-то послан в архив Вяч. Иванова в Рим. Еще семь ее стихотворений появились в «Бюллетене Общества Поля Клоделя» (Bulletin de la Société Paul Claudel. 1986. № 103. P. 14—15). Наконец, в мемуарах (В. Редлик, В. Седыха) и статьях, посвященных Кудашевой, было опубликовано еще несколько ее произведений да еще русский стилизованный текст, отнесенный ею к жанру частушки, в составе письма Роллана к Горькому (Архив А.М. Горького. М., 1995. Т. XV. М. Горький и Р. Роллан. Переписка (1916—1936). С. 239). Пять французских стихотворений в русских переводах появились в работе: Жуковская Т.Н., Снежкова Е.В. Майя Кювилье: образ, возникший из писем // «Серебряный век» в Крыму: взгляд из XXI столетия. Материалы Четвертых Герцыковских чтений в г. Судаке 6—10 июня 2005 года. М.; Симферополь; Судак, 2007. Наконец, относительно недавно видный биограф Роллана Б. Дюшатле опубликовал в качестве приложения к переписке Роллана и Дюамеля еще одно стихотворение Кудашевой, своего рода мемуар о бале-маскараде у А. Толстого (см.: Romain Rolland et Georges Duhamel. Correspondance (1912—1942) / Éd. de B. Duchatelet. Paris, 2014. P. 327—328).

³⁰ «До зари. Москва 1924» (франц.), *Koudacheff Princesse Marie*. Jusqu'à l'aube. Moscou 1924. Paris: Le Divan, 1926. Не распознав, что название города и год входят в состав заглавия, один из ее позднейших собеседников мимоходом заметил: «первый сборник она выпустила в 1924 году в Москве» (*Носик* Б. «Кто ты? — Майя»; <http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/4/posik.html>, дата последнего просмотра 29.01.2018; при перепечатке очерка в книге «Тот век серебряный, те женщины стальные...» (2013) автор эту фразу выпустил). Впрочем, еще можно

три года там же и под тем же именем — стихотворный сборник «Sur l'Écume»³¹. Непосвященный читатель не мог бы и предположить, что их автор до сих пор проживает в советской Москве. Уже на первых страницах этих книг мы сталкиваемся с литературным двуязычием. Эпиграфом к первой книге Кудашевой стояли строчки А. Фета «Ты пела до зари, в слезах изнемогая, / что ты одна — любовь, что нет любви иной...» во французском переводе³², поскольку это сборник любовных стихотворений, обращенных к одному и тому же человеку, и его первоначальное название было «Amour». Заглавие второго сборника также связано с Фетом: в письме к Волошину от 11 июня 1924 г. Кудашева сообщала, что эпиграфом к нему собирается поставить строки «Но я иду по шаткой пене моря / Отважною нетонувшей ногой»³³; правда, впоследствии она отказалась от этой идеи.

Однако публикации Кювилье-Кудашевой далеко не покрывают всего объема написанных ею текстов. Стихами насыщены многие ее письма, а кроме того, своим друзьям Кювилье-Кудашева посылала их подборками за определенный период. Так, уже в четвертом письме к Волошину, от 22 января 1913 г., она сообщала, что посылает старые тетради со стихами, чтобы он ее лучше узнал³⁴. Поскольку в ее фондах в ГЛМ и РГАЛИ

столкнуться с утверждением, что «отдельными изданиями» стихи Кювилье «не выходили» (*Цветаева М.* Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. С. 119, информация повторена в переиздании: *Цветаева М.* Письма. 1905—1923. М., 2012. С. 158).

³¹ «По пене» (*франц.*); *Koudacheff Princesse Marie*. Sur l'Écume. Paris: E. Figuière, 1929.

³² «Tu chantais jusqu'à l'aube, n'en pouvant plus de larmes, que tu n'ès qu'amour, qu'il n'en est pointe d'autre...». Эту цитату из стихотворения А. Фета «Сияла ночь. Луной был полон сад. Лежали...» приведем в ее расширенном виде: «Рояль был весь раскрыт, и струны в нем дрожали, / Как и сердца у нас за песнею твоей. / Ты пела до зари, в слезах изнемогая, / Что ты одна — любовь, что нет любви иной...».

³³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 108. Эту же цитату из стихотворения А. Фета «Томительно-призывно и напрасно...» Кудашева приводила в письме к Андрею Белому от 11 апреля 1917 г. (*Обатнин Г., Сивак М.* «Он как волк дикий со мной»: Андрей Белый в письмах М. Кудашевой // *Миры Андрея Белого*. Белград; М., 2011. С. 171).

³⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 7. Отметим, что этой практики она придерживалась и в дальнейшем, вплоть до знакомства с Р. Ролланом, которому она послала свои стихи. Одно из них, на самом деле обращенное в Вяч. Иванов, французский писатель переделал и вложил в уста своей литературной героини (см. подробнее: *Obatnin G. Maria Koudacheva et Romain Rolland: les origines de la rencontre* // *Cahiers de Brèves*. 2014. № 34. P.18—22).

черновики стихов, за одним исключением³⁵, не сохранилось, мы имеем дело всегда с беловыми автографами. Одна из двух подборок для Вяч. Иванова была, судя по всему, сделана в 1915 г. и хранится в его фонде, обозначенная в описи как «Неизвестн. Стихи на французском языке»³⁶. Большинство из вошедших в нее текстов обращено к конкретному адресату или намекает на реальные житейские обстоятельства — это свойство домашней словесности также составляло неотъемлемую часть поэтики Кювилье-Кудашевой. Например, в упомянутой подборке стихи посвящены, кроме самого Иванова и М. Цветаевой, М. и Е. Фельдштейнам, Н. Богословской, В. Веснину, подруге «Тусе» Крандиевской, О. Гольдовскому, мимолетному возлюбленному осени 1914 г. С. Баландину (Serge Baland), С. Шервинскому и М. Рогозному. Неудивительно, что обширные подборки из ее стихотворений хранятся в личных фондах других близких к ней деятелей литературы: С. Шервинского, М. Волошина, Б. Грифцова, С. Боброва, Г. Чулкова и А. Луначарского.

О качестве французских стихов Кювилье сошлемся на мнение М. Цветаевой, высказанное в незаконченном письме к ней от 14 сентября 1913 г. из Ялты:

Читаю Ваши стихи — сверхъестественно, великолепно! Ваши стихи единственны, это какая-то *détresse musicale!*³⁷ Нет слов — у меня нет слов, — чтобы сказать Вам, как они прекрасны. В них все: пламя, тонкость, ирония, волшебство. Ваши стихи — высшая музыка. Майя, именно про Вас можно сказать:
Et vous avez à tous jamais — dix-huit ans!³⁸
Я сейчас лежала на своем пушистом золотистом плече (последний подарок папы, почти перед смертью³⁹) и задыхалась от восторга,

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1325. Оп. 1. Ед. хр. 24. Л. 2. Это стихотворение, кстати, нам не встретилось среди ею переписанных для своих старших друзей.

³⁶ ИРЛИ. Ф. 607. № 333.

³⁷ «музыкальное томление» (франц.).

³⁸ «И вам раз навсегда — восемнадцать!» (франц.). Такой строки в известных нам собраниях не обнаружено, хотя в письме к Волошину от 2 мая 1913 г. Кювилье, сообщив ему, что через 6 дней ей исполнится 18 лет, записала, видимо, собственное двустишие: «J'ai le cœur rempli de printemps, / Et je vais avoir dix-huit ans...» («Мое сердце полно весной / И мне будет восемнадцать лет...»), франц.; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 36 об.).

³⁹ Описание обстоятельства покупки этого плеча накануне смерти И.В. Цветаева в августе 1913 г. см. в письме М. Цветаевой к В. Розанову от 8 апреля 1914 г. (Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1995. Т. 6. Письма. С. 124).

читая Вашу зеленую с золотом тетрадь⁴⁰. Ваши стихи о любви — единственны, как и Ваше отношение к любви. <...>

Пишите больше и присылайте мне свои стихи, потом Вы мне их перепишите.

Ваши стихи для меня счастье⁴¹.

Здесь нет возможности входить в детали творческих взаимосвязей двух поэтесс, обратим лишь в этой связи внимание на стихотворение Кювилье «Le ciel est couleur de sauges...»⁴², опубликованное во «Втором сборнике Центрифуги». Оно повествует о назначенной встрече некоего всадника в шлеме из чистого золота и в содержательном плане никак не отличается от дилетантской продукции начитанной романтической девушки. Однако каждое его четверостишие заканчивается одним и тем же приемом — тройным повтором слова или словосочетания из двух односложных слов, воспринимаемых на слух как одно: «J'attends, j'attends, j'attends <...> C'est Lui, c'est Lui, c'est Lui! <...> — Passez, passez, passez»⁴³. Тем же летом 1914 г. написано оставшееся неопубликованным стихотворение (автограф в архиве Шервинского датирован 12 августа), обращенное «à A.N.T.», т.е. к А.Н. Толстому, «L'archet vespéral se désolé...»⁴⁴. Оно заканчивается строкой «O, Soleil, Soleil, Soleil!», в то время как другой текст — «sœur d'enfant est triste, triste, triste!»⁴⁵. Еще раз тот же прием был использован Кювилье в стихотворении, которое также осталось неопубликованным, зато заслужило

⁴⁰ В известных нам собраниях не обнаружена.

⁴¹ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. С. 117—118. Письмо осталось неоконченным и поэтому сохранилось в архиве Цветаевой (РГАЛИ. Ф. 1190. Оп. 3. Ед. хр. 112. Л. 1—1 об.); видимо, именно о нем, называя его «бесконечным», Цветаева упоминает в послании к В. Эфрон от 25 сентября 1913 г. из Ялты, прося у нее адрес Майи; Цветаева М. Неизданное. Семья. История в письмах. / Сост. и комм. Е.Б. Коркиной. М., 1999. С. 163.

⁴² «Небо цвета шалфея» (франц.).

⁴³ «Я жду, я жду, я жду <...> Се Он, се Он, се Он! <...> Иди, иди, иди» (франц.); Второй сборник Центрифуги. М., 1916. С. 18. Автограф, помеченный «20 mai 1914 Koktebel», см.: ИРЛИ. Ф. 607. № 333. Л. 71; текст в архиве Шервинского имеет другую дату — 9 мая 1914 (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 737. Л. 94).

⁴⁴ «Вечерний смычок огорчился» (франц.); РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 737. Л. 54; в другом автографе имеет дату написания август 1914: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 164. Л. 28 об.

⁴⁵ «о, Солнце, Солнце, Солнце»; «сердце ребенка грустит, грустит, грустит» (франц.); РГАЛИ. Ф. 2481. Оп. 1. Ед. хр. 418. Л. 3, 15.

перевод Б. Грифцова, которым мы и воспользуемся. Оно называется «Офелия», написано 1 мая 1915 г., и в каждом его двустихии мы находим тот же декламативно-заклинательный повтор: «— Ophélie, Ophélie, — ah! morte, morte, morte, — <...> Et tout est oublié — o folle, folle, folle! <...> — Nul ne se souviendra, jamais, jamais, jamais!», а также схожий по ритмико-синтаксической структуре фрагмент: «Ah! que vous sert d'avoir souri, chanté, dansé?»⁴⁶ Наконец, вторая строфа из стихотворения «J'ai retrouvée l'équilibre...», написанного в сентябре 1914 г. и обращенного «à Marine Zwetaïev», начинается словами: «Oh! sourire, sourire, sourire / Apres le danger»⁴⁷. Учитывая позднейшее ее увлечение написанием газелл, а также рондо, можно утверждать, что поэтессу интересовал выразительный потенциал повтора. Можно ли в связь с этим поставить цветаевское использование его, например, в стихотворении «Читатели газет» (1935): «— Пошел! Пропал! Исчез!» и др.? Или не менее известное «Пора — пора — пора / Творцу вернуть билет!» из стихотворения «О слезы на глазах!» (1939)? Национальный корпус русского языка подсказал еще один из возможных подтекстов — написанное тем же трехстопным ямбом стихотворение М. Кузмина «Пасха» (1910) со строками: «Минуло время страдное / И в путь пора, пора!»⁴⁸

Уже с самого начала писательской деятельности Кювилье пробовала себя и в русских стихах. В письме к Шервинскому от 17 июня 1912 г. она упоминает, что у нее есть не только русское стихотворение — его она ему не пошлет, потому что он слишком строг в оценках, — но и проза, которую, по ее словам,

⁴⁶ «— Офелия, Офелия, — ах, мертва, мертва, мертва — <...> И всё позабыто — о безумная, безумная, безумная! <...> И никто не вспомнит, никогда, никогда, никогда!», «Ах! к чему вам то, что вы улыбались, пели, танцевали?» (франц.); автограф: РГАЛИ. Ф. 2171. Оп. 4. Ед. хр. 101. Л. 3 об.; текст, переписанный Грифцовым и его перевод: РГАЛИ. Ф. 2171. Оп. 4. Ед. хр. 39. Л. 7 об. и 8. Стихотворение было послано Волошину при письме от 4 июня; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 30.

⁴⁷ «Я нашла равновесие»; «О! улыбаться, улыбаться, улыбаться / После опасности...» (франц.); ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 164. Л. 25. Автограф в тетради из архива Шервинского датирован 18 сентября, где текст также имеет посвящение «à Marina» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 737. Л. 125 об.).

⁴⁸ По крайней мере еще одно кузминское стихотворение выполнило ту же самую роль, вдохновив обеих поэтесс, см. подробнее: *Obatnin G. Maria Koudacheva et Romain Rolland: les origines de la rencontre*. P. 21.

Шервинский не любит⁴⁹. В одном из известных нам трех русских стихотворений этого периода (всего пока найдено двадцать восемь текстов за весь русский период ее жизни) обращает на себя внимание ориентация на новых друзей-писателей. «Моя Душа — как раненое поле. Укусы плугов беспощадно — Злы!»⁵⁰, по сути, представляет собой развитие темы, которая заявлена в эпиграфе «Быть черною землей», позаимствованном из стихотворения Волошина «Быть черною землей. Раскрыв покорно грудь...» (1906). Возможно, именно об этом тексте она сообщала Волошину в письме от 16 февраля 1913 г.: «Вчера вечером написала русское стихотворение — я ужасно хотела бы писать по-русски, — но пишу плохо, и мне это больно. Надо работать, да?»⁵¹ Еще один текст Кювилье, датированный декабрем (возможно, 1912 г.), имел посвящение Волошину, хотя позднее его имя было тщательно вымарано. Он явно представляет собой попытку пересоздать по-русски те из французских стихотворений, которые в это время развивали религиозную тему. Текст носил название «Молитва католическая» и начинался со строк: «О мой Иисус! к твоим ногам я принесла свой дух мятежный / Ягненок-Царь, — Ты за меня страдал и умер за меня»⁵². Эту же тему, возможно, развивает наиболее интересное для нас стихотворение, дату создания которого поэтесса поставила по обыкновению на место заглавия:

12 декабря 1912

Toutes ces choses sont passées
Comme la fumée et le vent.
V. Hugo

Я хотела Его поцелуя, но уста Его были так строги,
Что я в гневе сказала: «Уйди. Я забуду тебя навсегда».

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 3— 4. Местонахождение этого текста нам неизвестно, как неизвестно, где находится ее дневник, о котором она сообщала Шервинскому в письме от 4 августа 1912 г.: «Дневник свой перечитала; знаете, я “дневник” пишу — записываю то, что переживаю, — и тоже стыдно стало» (Там же. 18 об.).

⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 164. Л. 33.

⁵¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1032. Л. 49 об. В стихотворении, в частности, была использована рифма *чёрн: зёрн*.

⁵² РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 737. Л. 27 об.

Он взглянул на меня так лазурно, что я пала пред Ним на дороге,
Я молила его о пощаде, и Он ласково молвил мне: «Да».

Ах, как лютня звенел Его голос! И глаза Его были, как зори,
И был он так светел и нежен, — как голубь Он был, как цветок.
Так близок Он был, о любимый, — теперь он далёк, так далёк!
Теперь я как лист в урагане, как парус, блуждающий в море.

О, Милый, о Чистый, Ты помнишь? Мы были красивы, как боги —
Мы шли по пескам и по камням, и там, где прошли наши ноги,
Цветы расцвели. И в пустыне небес улыбнулась звезда.

То было и больше не будет...Зачем он ушел и куда?
Я жажду вершин и обрывов — пути ж Его были пологи.
— И вот, Его нет, и я плачу. Прошло все, как дым и вода⁵³.

Это стихотворение любопытно тем, что демонстрирует осознанное отношение автора к форме. Размер этого стихотворения, трехсложники с переменной анакрузой (точнее, неурегулированное смешение шестистопных анапестов и амфибрахий), своей длиной, видимо, должен имитировать alexandrinский стих — основной размер французского сонета, традиционно передающийся в русской поэзии шестистопным ямбом. Совпадение рифм первого катрена и терцетов, охватная рифмовка второго катрена, попытка предложить свою схему рифмовки в терцетах — все это свидетельствует не только о знакомстве автора с правилами, но и о готовности их творчески нарушать. Кроме того, некоторые образы стихотворения («Теперь я как лист в урагане, как парус, блуждающий в море») убеждают в осведомленности автора и в классических образцах русской поэзии.

Первый замысел Кювилье опубликовать свои опыты был вдохновлен тем приемом, который они неизменно получали

---

⁵³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 164. Л. 5. Перевод эпитафия: «Все это прошло, / Как дым и ветер» (*франц.*). В оригинальной цитате из стихотворения В. Гюго «Quand nous habitons tous ensemble» («Когда мы жили вместе», *франц.*) вторая строка из эпитафия читается как «Comme l'ombre et comme le vent» («Как тень и как ветер», *франц.*). Стихотворение Гюго представляет собой воспоминание тридцатилетнего мужчины о счастливой жизни с десятилетней девочкой, называвшей его отцом. Отметим, что в поэзии Гюго присутствует тема смерти его (трагически утонувшей) дочери и вызванных этим родительских переживаний.

у жителей дачи Волошина в Коктебеле. Посылая Шервинскому «целый ворох» стихов, в письме от 18 июля 1913 г. она замечала по их поводу: «Все о Короле⁵⁴. Часто говорится “мы”, а не “я” — это Марина и я — “мы”. Я с ней очень сблизилась, и очень крепко. Через год вместе напечатаем стихи в ее типографии. А пока вместе сочиняем сказки — и рассказываем их друг другу — »⁵⁵. Со ссылкой на архив составителей (А. Саакянц и Л. Мнухин), стихотворение Цветаевой «Вы родились певцом и пажем...», явно обращенное к Фельдштейну, является плодом их совместного творчества⁵⁶. Впрочем, через несколько дней, 23 июля, в письме к тому же корреспонденту Кювилье поправлялась: «— Вот Вы не советуете мне печатать стихи с Мариной в одной книге. Да мы и не хотели в одной; думаем только в одно и то же время выпустить две книги, она свою, третью, а я свою первую. Я ей посвящу целый цикл из своих, а она мне цикл своих. Вот и все. А теперь Макс посылает все мои стихи этого года своему другу Rene Ghil’у в Париж — Меня очень интересуется его ответ — и отношение его»⁵⁷.

В самом деле, в число тех, кого восхищала поэзия Кювилье, в первую очередь надо включить М. Волошина, который пытался составить ей протекцию на французском литературном рынке. В архиве поэта сохранился набросок его письма к другу, сотруднику «Весов», французскому писателю и критику Рене Гилю (Ghil, 1862—1925), который мы приводим в той его части, что относится к Кювилье, восстановив диакритику, почти полностью проигнорированную автором, а также исправив многочисленные описки и ошибки⁵⁸:

Ami et Maître,

Ce sont les plaies honteuses de mon orthographe que m'empêchent d'écrire. Vous comprendrez.

Mais maintenant il m'arrive une chose extraordinaire. Il m'arrive de couvrir une poétesse française. Ses poésies me paraissent dignes

⁵⁴ Прозвище М. Фельдштейна, ср., напр., из стихотворения, начинавшего цикл из шести текстов, «Et tu seras Roi de poème / Et nous serons pages de Roi...» («Ты будешь Королем поэмы, / И мы будем пажами Короля...», *франц.*; дата под текстом 7 июля 1913; ИРЛИ. Ф. 607. № 333. Л. 15).

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 22.

⁵⁶ Цветаева М. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 1. С. 199, комм. на с. 598.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 23 об.

⁵⁸ Приношу мою искреннюю благодарность П.Р. Заборову за помощь в этой работе.

d'attention. Mais pour les vers français je ne connais qu'admiration, pas de critique. Pour cela je m'adresse à Vous, pour connaître Votre opinion. Quelque mots sur auteur: mi-russe, mi-française; [mi catholique] (père — russe, mère — fr.<ançaise>); âge 18 ans. ([Mentalité] et moralité et conduite 13 ans)⁵⁹. Elle est née à Pétersbourg, a passé son enfance en Champagne, fini son éducation au couvent français à Moscou, vient de finir un lycée russe. Orthodoxe de naissance, convertie au couvent, reconverte en orthodoxie par ordre de police. Elle porte comme le petit nom, le nom d'illusion universelle — Maya⁶⁰, et comme nom de famille nom d'un troubadour⁶¹ et d'un académicien — Cuvillier⁶². Voilà pour passeport. Pour talent voyez les vers et communiquez-moi Votre opinion⁶³.

⁵⁹ В устах Волошина это было комплиментом, ср. почти ту же самую формулу в его характеристике своей будущей жены в письме к жене первой от 24 февраля 1923 г.: «Хронологически ей 34 года, духовно 14» (*Волошин М.* Собр. соч. М., 2015. Т. 11. Кн. 2. С. 728; с другой датировкой письмо обширно цитировалось также в: *Поповский М.* Мария Степановна // Грани. 1987. № 143. С. 130).

⁶⁰ Совпадение принятого ею имени и термина буддийской философии, видимо, было случайным. Однако оно не раз осмыслялось более искушенными в религиозных вопросах ее знакомыми. Из числа забавных путаниц приведем пример того, как упоминание «Майи» в дневнике А.Н. Толстого за лето 1912 г., выписавшего его, как указано в комментарии, в процессе чтения книги по буддизму из библиотеки Волошина, попало в указатель на имя М.П. Ромен Роллан (А.Н. Толстой: Материалы и исследования / Отв. ред. А.М. Крюкова. М., 1985. С. 294, 327, 519).

⁶¹ Возможно, Волошин помнил про французского композитора Шарля Кювилье (1877—1955). Во всяком случае, И.А. Аксенову эта фамилия напомнила именно его, см. в письме к С. Боброву от 24 октября 1916 г.: «Да, а Майя Кювилье? У нее, кстати, нет родственника на французском фронте? Композитора» (*Аксенов И.А.* Из творческого наследия: В 2 т. / Сост., автор вступ. ст. и комм. Н. Адаскина. М., 2008. Т. 1. С. 117).

⁶² Возможно, Волошин имеет здесь в виду французского писателя и политического деятеля, члена Французской академии Альфреда-Огюста Кювилье-Флери (Cuvillier-Fleury, 1802—1887). Фамилия Кювилье происходит с севера Франции и связана со словом cuve (бочка, цистерна). В полном драматизма письме к Волошину от 8 июля 1918 г. Кудашева, рассказывая о своих и семейных приключениях начала гражданской войны, сообщала, как ее собирались расстрелять казаки: «Поставили мне в обвинение “гайдамацкое” шпионство (!) и неофициально “жидовское” происхождение (!!)» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3 № 1035. Л. 1—1 об.).

⁶³ «Друг и учитель! Постыдные увечья моей орфографии мешают мне писать. Вы поймете.

Но сейчас со мной случилась исключительная вещь. Мне случилось открыть одну французскую поэтессу. Ее стихотворения кажутся мне достойными

В комментариях к переписке Волошина и Брюсова этот набросок справедливо датируется по содержанию 1913 г.⁶⁴ Как мы видели, идея послать стихи родилась у Волошина уже в июле этого года, но только в письме к нему от 1—4 сентября Кювилье сообщает, что закончила переписывать стихи для «Гилля», а в письме от 1 октября — просила поскорей послать «Гиллю» стихи, добавив (с тем же тройным повтором): «Ах, я боюсь, что они ему не понравятся. И это будет ужасно-ужасно-ужасно! — Напишите мне, когда пошлете, и что Вы ему напишете. Скажите ему, что мой отец был русский. Я горда своей русской кровью». Таким образом, к первому октября Волошин еще не послал приведенного выше письма, 15 октября она еще раз интересовалась: «А Гиллю Вы послали уже?»⁶⁵ Судя по словам в ее письме к Волошину от 4 июня 1915 г., писатель показывал ее стихи (возможно, новые, января-марта 1915 г., т.е. те, что она ему послала в предыдущем письме от 19 апреля) Гиллю во время своего последнего пребывания в Париже: «— Да, я рада, что René Ghil'ю понравились мои стихи, я так мучаюсь неверием в них, — и так “влюблена в молву”!»⁶⁶ В письме к нему же от 27 июля того же года она сообщала: «— А от René Ghil я все еще не получила письма, и теперь мне уже очень хочется, и я все жду, а он, наверное, и не напишет!»⁶⁷ Ответ француз-

---

внимания. Но французскими стихами я могу лишь восхищаться, а не критиковать их. Вот почему я пишу Вам — чтобы узнать Ваше мнение.

Несколько слов об авторе: полурусская, полуфранцуженка; [полукатоличка] (отец — русский, мать — француженка); возраст 18 лет ([Умственное развитие] и мораль и поведение 13-летней). Она родилась в Петербурге, провела детство в Шампани, получила воспитание в женском монастыре в Москве и окончила русскую гимназию. Православная по рождению, обращена в католичество в монастыре, вновь обращена в православие по приказу полиции. Ее уменьшительное имя — имя вселенской иллюзии — Майя, фамилия — имя одного трубадура и одного ученого — Кювилье. Это что касается ее паспортных данных. Что же касается ее таланта, то посмотрите стихи и сообщите мне свое мнение» (*франц.*); ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 17. Л. 1.

⁶⁴ См.: Переписка с М.А. Волошиным / Вступ. ст., публ. и комм. К.М. Азодовского и А.В. Лаврова // Валерий Брюсов и его корреспонденты. Литературное наследство. М., 1994. Т. 98. Кн. II. С. 273

⁶⁵ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 76 об., 80, 82.

⁶⁶ Там же. № 1034. Л. 27 об. Слова в кавычках — видоизмененная цитата из стихотворения А. Блока: «В кабаках, в переулках, в извивах, / В электрическом сне наяву / Я искал бесконечно красивых / И бессмертно влюбленных в молву» (1904).

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 35 об.

ского писателя пока остается нам неизвестным, среди писем к Волошину его не сохранилось⁶⁸, но о его существовании мы знаем из послания самой Кювилье к Иванову от 13 сентября 1915 г. Здесь она, в свою очередь, выписала цитату из также пока нам неизвестного письма к ней Волошина лета 1914 г. с отзывом Гиля о ее стихах: «Он о них высокого мнения. Находит в тебе большое чувство ритма (а Вы меня за “бесчувствие” браните!). Ему очень нравится твой “vers libre” (а Вы говорите, verslibristes⁶⁹ меня прогонят!) — “гораздо лучше, чем у Гюстава Кана”»⁷⁰. В этом же письме она, кроме Волошина и Гиля, брала себе в союзники и Б. Грифцова, который, как она сообщает, похвалил ее переводы из Тютчева, но кроме того, мы уже знаем, что он переводил на русский стихи самой Кювилье (хранятся в его архиве в РГАЛИ). Ценильницей поэзии Кювилье была также Е.О. Кириенко-Волошина, которая, например, сообщила сыну в 1914 г.: «Сегодня (19/XII) была Майя, прочла все свои московские стихотворения, из которых некоторые прекрасны целиком, другие местами»⁷¹. Напомним, что Кириенко-Волошина также перевела по крайней мере одно из стихотворений Кювилье, посвященное Иванову⁷², для чего та переписала его для нее, снабдив отдельными комментариями⁷³. Расцвет отношений Кювилье с Вяч. Ивановым, видимо, вообще многое дал для роста ее дарования — например, 30 марта 1915 г. М.С. Фельдштейн писал В.Я. Эфрон: «Майя читала стихи, у нее небывалая

⁶⁸ См.: Французские писатели — корреспонденты М.А. Волошина / Публ. П.Р. Заборова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1979 год. Л., 1981. С. 238—246.

⁶⁹ «свободный стих (верлибр)», «верлибристы» (франц.)

⁷⁰ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 21. Л. 5 об. Гюстав Кан (Kahn, 1859—1936), классик французского символизма, уже с середины 1880-х гг. развивал «свободный стих» во французской поэзии. Не исключено, что стихи Кювилье Волошин показывал Гилю дважды. В письме к Волошину от 4 июня 1915 г. она выражала радость, что они понравились французскому писателю (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 27 об.). В письме к Иванову от 24 июня 1915 г. она сообщила: «— Вчера получила от Макса письмо, он опять мне о Rene Ghil пишет, что он говорит, что напишет мне, — а если бы неделю тому назад я получила бы, — было бы все равно» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 28. Ед. хр. 20. Л. 2 об.).

⁷¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 655. Л. 33.

⁷² См. в письме Волошиной к сыну от 1 мая 1915 г.: «Я перевела одно из ее стихотвор.<ний>, обращенных к нему» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3 № 657. Л. 32). Местонахождение этого перевода пока неизвестно.

⁷³ См. ее письмо от 24 апреля 1915 г.; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 5. № 326. Л. 2 об.

продуктивность, большинство стихов прекрасны. Иной раз досадно даже, что на нее отпущено столько таланта. Как много народу надо было обездарить из-за нее»⁷⁴.

Сергей Шервинский, в конце жизни удостоенный в интервью Б. Носику быть названным ею в качестве первого в ее жизни мужчины, также сыграл роль литературного агента Кювилье⁷⁵. Неудивительно, что дату знакомства с ним (17 июля 1911 г.), квалифицировавшим позже их отношения как «юношеский роман, то, что называется *amitié amoureuse*»⁷⁶, далее она подвергла своеобразной мифологизации⁷⁷. Видимо, именно Шервинский познакомил свою подругу со сборником «Круговая чаша. Десять московских поэтов», который она упоминает в обширном дневниковом письме к Волошину, во фрагменте, относящемся к 18 апреля 1913 г.⁷⁸ В предисловии к сборнику говорилось: единственное, что объединяет авторов, — все они публикующиеся впервые москвичи, и поэтому этот альманах является «противовесом — главным образом петербургским —

⁷⁴ Марина Цветаева. Неизданное. Семья. История в письмах / Сост. и комм. Е.Б. Коркиной. М., 1999. С. 37.

⁷⁵ *Носик Б.* «Кто ты? — Майя» // Звезда. 2001. № 4. С. 47. Недаром в письме к нему от 8 мая 1914 г. она, подписавшись *Marie*, добавляла, что он единственный, кто зовет ее этим именем, остальные — Майя (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 12). В дальнейшем она так же будет подписывать свои письма к С. Боброву, упомянув, что ему не нравится имя Майя.

⁷⁶ «любовная дружба» (*франц.*); см.: Шервинский С. Стихотворения. Воспоминания. Томск, 1997. С. 99.

⁷⁷ О дате знакомства Кювилье косвенным образом упоминает в письме от 17 июля 1912 г.; в письме от 18 июля 1913 г. пишет, что вчера исполнилось два года со времени их первой встречи (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 10 об., 22); а в письме от 7 июня 1916 г. напоминает: 17 июля «наш» юбилей» (РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 100 об.). В письме к нему от 15 октября 1917 г. она сообщала, что давно хотела ему написать и впервые пропустила дату их знакомства (Там же. Л. 101). О своем знакомстве с Шервинским 17 июля 1911 г. она упоминала в письме к Волошину от 8 мая 1913 г. (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 46). Отношения с Шервинским, прервавшиеся по крайней мере на время железного занавеса, были возобновлены при телефонном посредничестве М. Юнггрена (M. Ljunggren, устное сообщение) письмом Кудашевой от 16 апреля 1982 г. (здесь в самом деле упоминается «*monsieur Jungren*»). Теперь она предпочитала писать своей «*premier amour*» («первой любви», *франц.*; РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 1. Ед. хр. 473. Л. 1) по-французски.

⁷⁸ «А “Круговая чаша” десяти московских поэтов вышла неделю тому назад. Я хотела купить ее, а потом решила, что мама будет говорить: “Как? Сережа Шервинский? Опять этот *jeune homme*?”» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 17 об.).

партийным сборникам»⁷⁹. Несмотря на это самоопределение, за Шервинским стоял определенный круг друзей-поэтов. В письме к нему от 12 октября 1913 г. Кювилье сообщала, что была в гостях у Сергея Соловьева, который просил передать, что собирается к нему в гости, а в письме от 16 октября — что Соловьев просил записать ее стихи в альбом Шервинскому⁸⁰. Отметим, что даже в период подъема ее отношений с Волошиным Кювилье пишет гигантское стихотворение, датированное 28 февраля 1913 г. и имеющее прозрачное посвящение «à S.Ch.»⁸¹. Его имя регулярно появляется в письмах к Волошину весны 1913 г., до ее первого посещения Коктебеля, причем порой обыгрывается данное ею прозвище Белый Принц. Например, в письме от 27 апреля она писала Волошину: «Для меня Вы самый лучший, из всех, и я Вас не променяю на десять Белых Принцев! Я предпочитала бы остаться Вашей девочкой, чем стать чужой королевой»⁸². Например, в письме от 8 мая она описывала случайную встречу с Шервинским на улице: «Ах, он прелестный! Я чувствую, что он похож на Александрийского поэта. Любит изысканные стихи и слова. — Милый, Белый — Мне хочется сказать ему, как Марина: “Мальчик мой, сердце мое —”»⁸³. После сразу впечатлившего ее знакомства с В. Весниным она пишет элегическое стихотворение и Шервинскому, датированное в рукописи, посланной Волошину в письме, 28 августа 1913 г.⁸⁴ Добавим, что Шервинский имел отношение к еще одной неизвестной московской литературной антрепризе. 11 февраля

⁷⁹ Кроме Шервинского, в книгу вошли стихи Александра Ильинского-Блюменау, Владимира Морица, Льва Остроумова, Николая Познякова, Дмитрия Рема, Александры Романовской, Алексея Сидорова, Константина Чайкина и Вадима Шершеневича. Позднее, в своих воспоминаниях о Брюсове, Шервинский отозвался о них как о поэтах, «объединенных, пожалуй, более всего признаком эпитонства» (*Шервинский С.В. Стихотворения и воспоминания. С. 89*).

⁸⁰ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 471. Л. 34 об., 35.

⁸¹ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 164. Л. 12 — 14. Шервинский еще некоторое время будет героем ее посвящений, см., напр., стихотворение, написанное 13 мая 1914 г. (ИРЛИ. Ф. 607. № 333. Л. 102).

⁸² ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 28 об.

⁸³ Там же. Л. 45 об. Цитируется последняя строка первого четверостишия из стихотворения Цветаевой «Правда» («Мир утомленный вздохнул от смятений...», 1910).

⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1033. Л. 70. См.: «Je vous rencontrai au premier carrefour / De ma vie <...>» («Я встретила вас на первом перекрестке / Моей жизни <...>», *франц.*).

1914 г. Кювилье сообщила М. Волошину: «— Стихов я сейчас не пишу. А в январе много. Меня приглашал через Сережу Шервинского какой-то Юлиан Анисимов в свой альманах “Лирика”. Я послала Сереже 5 стихотворений, и он отвез их Анисимову, который должен был с жюри каким-то решить, можно ли французские стихи печатать в альманахах. Анисимова не было дома, и Сережа оставил стихи его жене⁸⁵. И уехал в Кисловодск. — В марте выйдет “Лирика”, и мне любопытно узнать, стала ли я “лирикой” или нет»⁸⁶.

Однако стихи Кювилье, так и не увидевшие свет в составе этого альманаха, все еще планировались к публикации отдельным изданием и следующим коктейбельским летом. В своем первом письме к Блоку от 22 августа 1914 г. она косвенно намекала на свое желание, чтобы он написал к ним предисловие: «Я хочу прислать Вам свои стихи — весной, после войны они будут напечатаны, но я хочу, чтобы Вы их знали раньше, меня раньше знали — Несколько дней тому назад Ал. Толстой, говоря о них, сказал мне: “Мы Вам несколько предисловий напишем. — Ну, я могу написать, Макс (Волошин), — Бальмонт”. И я ответила: “Я больше всех люблю Блока”. — Но он сказал: “Блок французских стихов не любит”. — И я с того дня еще сильнее захотела, чтобы Вы узнали меня —»⁸⁷. Блок, как явствует из начала второго письма, не ответил на это послание, а 12 ноября 1914 г. Кювилье сообщила Шервинскому: «Сережинька, мне сейчас очень нехорошо стало. В меня очень влюблен один очень юный мальчик, — ему тоже 21 год, как Вам, — и я его тоже любила, — люблю, — — я уже не знаю. Но вчера я нашла название для своей будущей книги стихов, и пришла в восторг. Марина меня умолила читать Mme Desbordes-Valmore⁸⁸, <1 нрзб.> первую

⁸⁵ То есть поэтессе Вере Оскаровне Станевич.

⁸⁶ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 11—11 об.

⁸⁷ РГАЛИ. Ф. 55. Оп. 1. Ед. хр. 302. Л. 1 об.—2 (этот фрагмент с лексическими и пунктуационными разночтениями был опубликован в: Литературное наследство. М., 1982. Т. 92. Кн. 3. С. 477).

⁸⁸ Имеется в виду М. Деборд-Вальмор (Desbordes-Valmore), которая дебютировала в литературе сборником «Элегии, Мария и романсы» («Élégies, Marie et Romances», 1819). Цветаеву не раз сравнивали с ней, укажем в этой связи на рецензию Боброва на «Царь-Девницу»: «Если не ошибаемся, главными ее учителями были — прекрасная, хоть и мало у нас известная, французская поэтесса Марселина Деборд-Вальмор (1785—1859). П. Верлэн поместил ее в свое время в свою серию “Проклятых поэтов” рядом с Вилье де-Лиль-Аданом и Артюром

книгу с элегиями и идиллиями, была тронута, — и только, — и вдруг, среди бесконечных жалоб или в чем-то похожих на это, я нашла такой возглас: “O Salamandre d’amour!” Эти слова относятся к Louise Labé⁸⁹. Но я их себе возьму. Не правда ли, хорошо — “Salamandre d’Amour”? “La salamandre d’Amour”⁹⁰. На следующий день, 13 ноября, она уже написала стихотворение, в котором обращалась к Саламандре любви⁹¹. Литературная молва, как всегда, бежала впереди, и для Ольги Бессарабовой Кювилье на первой встрече была уже автором книги стихов: «В 1916 (или 17?) я запомнила ее худенькой девушкой в темном скромном платье на одном вечере Религиозно-философского общества — в обществе Вячеслава Иванова (поэта). Тогда мне сказал кто-то, что она автор тоненькой книжки французских стихов»⁹².

Письмо Е.О. Кириенко-Волошиной к находившемуся во Франции сыну донесло до нас сведения еще об одном мимолетном, но характерном издательском плане:

Еще о Майе: я ей все советую заняться переводами современных русских поэтов на французский язык в стихотворной форме, выбрав по 3—4 стихотворения из каждого; присоединить к этому несколько своих так, чтобы вышла небольшая книжечка, которую можно было продавать недорого. Советовала написать тебе об

Рембо <...>; Печать и революция. 1924. № 1. С. 276). Уже в сборнике Цветаевой «Волшебный фонарь» было помещено стихотворение «В зеркале книги М. Д.-В.» с воодушевленным зачином: «Это сердце — мое! Эти строки — мои! / Ты живешь во мне, Марселина!» (Цветаева М. Стихотворения и поэмы: В 5 т. New York, 1980. Т. I. С. 116).

⁸⁹ Луиза Лабэ (1520 или 1522 — 1566), французская поэтесса эпохи Возрождения, имевшая прозвище «прекрасная канатчица».

⁹⁰ РГАЛИ. Ф. 1364. Оп. 4. Ед. хр. 472. Л. 49—51. Луизе Лабэ Деборд-Вальмор посвятила одноименное стихотворение, «Louise Labé», вошедшее в ее третий сборник «Слезы» (1833). Это довольно обширное послание сестре по духу строится как обращение к ней в виде ряда характеристик ее личности и творчества, среди которых есть и сравнение с огнем в холодном жилище, а также именование ее саламандрой любви, проливающей слезы своей души (Desbordes-Valmore M. Les Pleurs. Poésies nouvelles. 3me ed. Paris, 1838. P. 235). Очевидно, имеется в виду верование, что саламандра способна гореть и не стогать в огне.

⁹¹ ИРЛИ. Ф. 607. № 333. Л. 48.

⁹² Запись от 8 января 1924 г.; Марина Цветаева — Борис Бессарабов. Дневники (1915—1925) Ольги Бессарабовой. М., 2010. С. 598.

этом, чтобы ты узнал, можно ли будет найти в Париже издателя. Она всему этому сочувствует, хочет и все собирается писать тебе, но соберется, верно, тогда, когда ты соберешься уезжать в Россию. Исполнимо ли это? Это было бы для нее хорошо во всех отношениях: избавило бы от беготни по урокам, давало бы заработок, а с ним и возможность издать свою книжку стихов. Бегаёт она на курсы совсем зря, исполняя только желание Вячеслава <Иванова>, и никогда этих курсов она не кончит, совсем не интересуется ими, только понапрасно <так!> мать ее платит за них 100 р. в год. Вместо уроков, курсов — переводы, настоящие, художественные переводы были бы для нее лучше всего. Вот только не знаю: может ли она увлечься такой работой, отдаться ей без принуждения, свободно; иначе ничего не выйдет. Относиться к таким работам как к урокам или курсам — нельзя. Напиши, что думаешь⁹³.

Неосуществленную публикацию произведений Кювилье в альманахе «Лирика» можно счесть предысторией появления пяти ее стихотворений во «Втором сборнике Центрифуги», позже названных ею в письме к А.Е. Парнису «*très médiocres*»⁹⁴, а также — ее отношений с С. Бобровым. Трудно сказать, что послужило поводом для переписки (Бобров был секретарем Общества свободной эстетики и в качестве такового знал чету д'Альгеймов, с которыми тесно общалась Кювилье), но ее начало относится к осени 1914 г., и первое из сохранившихся посланий Кювилье датировано 27 октября, а к нему были приложены уже ему посвященные стихи: «Сергей Бобров, эти стихи не особенно хороши, но будут Вам интересны, т.к. написаны Вам»⁹⁵. Переписка живо продолжалась не без присущего эпистолярному стилю Кювилье особого кокетства. Осень

---

⁹³ Записано на отдельном листе, предположительно датируется 30 ноября или 6 декабря 1915 г.; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 657. Л. 100—100 об. Ср. выше упоминание ее переводов из Тютчева, местонахождение которых нам также неизвестно. Позднее, в письме к Волошину от 22 марта она сообщила: «Бываю часто у Георгия Чулкова. Помогаю ему читать Тютчевские письма. Почти все по франсусски <так!>. Было бы очень приятно, если бы не усталость. Написаны они прекрасным языком, так что почти наслаждаешься читая. Только отвратительный почерк и слишком много светских и главным образом дипломатических сплетен» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 42).

⁹⁴ «весьма посредственные» (*франц.*). Письмо от 19 марта 1973 г. было любезно предоставлено нам его адресатом.

⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1.

1914 г. была полна попыток заполнить образовавшуюся после разрыва с В. Весниным пустоту в личной жизни: «Я люблю возможность больше воплощения. — Сергей Бобров, мне хочется никогда не увидеть Вас и быть Вашим другом. — Если мы когда-нибудь встретимся, — мы останемся незнакомыми и не скажем друг другу ни слова, — хорошо? — У меня так много знакомых, — и это иногда так скучно. — Хотите, я буду Вам иногда писать, — и Вы мне — Конечно — только немножко яснее»⁹⁶. К этому письму, как она сообщает, также были приложены переписанные ею стихи «без разбора». Бобров посылал ей свои работы, в частности, очевидно, свою свежую брошюру «О лирической теме», которую Кювилье упоминала в написанном по-французски письме от 29 ноября, честно сознавая, что не поняла ее⁹⁷. В свою очередь, письмо от 31 октября опять было снабжено «ворохом стихов». Личное знакомство произошло между 29 ноября 1914 г. и 6 мая 1915 г. — тогда Кювилье пишет ему из Старой Руссы письмо с извинениями за то, что не застала его дома перед отъездом, уже обращаясь как к знакомому «милый Сергей Павлович», а не «Сергей Бобров». Очевидно, что деятельность С. Боброва в 1915—1916 гг. была по своему характеру и запальчивой полемичности совершенно неприемлема для того круга писателей, с которыми общалась Кювилье. Кроме того, именно в эту пятимесячную паузу в их переписке разворачивались отношения Кювилье с Вяч. Ивановым, пусть и не в такой степени, но все-таки тоже человеком не этого круга. Кювилье была готова простить Боброву его репутацию саркастического и едкого критика: «А то, что Вы относитесь к людям с сарказмом и презрением, — я принимаю пока очень бесстрашно, т.к. я очень терпима, до того, что поняла бы и извинила бы Ваше презрение и сарказм по отношению к самым любимым друзьям, к самой себе. — Я просто подумала бы, что я знаю в них что-то, чего Вы не знаете, — или же наоборот. И это все равно, просто две какие-то линии наших душ не совпадают»⁹⁸. Отметим, что некоторые из помещенных во «Втором сборнике

⁹⁶ Там же. Л. 2 об. В последней фразе имеется в виду неразборчивость почерка адресата.

⁹⁷ «Serge Bobroff, j'ai lu toute la matinée votre brochure, mais, hélas!» («Сергей Бобров, я читала все утро вашу брошюру, но увы!» (франц.; РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 6).

⁹⁸ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 4.

Центрифуги» стихотворений имеют в других автографах дату. Например, открывавшее там цикл и упомянутое выше стихотворение «Le ciel est couleur des sauges...» в автографе датировано 20 мая 1914 г., а «Quel pensif et triste Verlaine...» первоначально имело название «Prière a Jésus» и дату 27 августа 1913⁹⁹.

К лету 1915 г. относится важное признание Кювилье в письме к Волошину:

Есть вещь, которая меня мучает и которой мне стыдно. — Ты сейчас смеяться будешь. — Это то, что я хочу славы. — Конечно, не для нее только я хочу быть большим поэтом. Например, если бы, чтобы иметь ее, надо было бы писать как-нибудь, как я не люблю (но могла бы), — как Надсон, или Некрасов, или Апухтин, Jean Aicard или François Coppée (мои друзья), я бы не согласилась бы и продолжала бы «конденсироваться». А все-таки я хотела бы быть очень знаменитой. Я хотела бы показать людям красоту. <...> Я сейчас среди таких людей. — Они любят больше всех других поэтов Надсона и Щепкину-Куперник (находя Шекспира скучным), другие любят лаун-теннис, борьбу и Американцев и думают, что почти все другое — чепуха¹⁰⁰.

Характеризуя позднее в письме к А. Квятковскому начальный период деятельности «Центрифуги», Бобров вспоминал: «Некогда в начале бытия нашего это просто была группа молодых людей, преимущественно юношей — впрочем, были как будто и три девицы, из коих одну звали Мариной Цветаевой — ей было в то время лет семнадцать, она была мила, как ангел»¹⁰¹. Второй сборник «Центрифуги», как это обозначено на

⁹⁹ «Небо цвета шалфея», «Как задумчив и грустен Верлен», «Молитва к Иисусу» (*франц.*) ИРЛИ. Ф. 607. № 333. Л. 72, 101—101 об.

¹⁰⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 34—34 об. Достоверными сведениями об эпистолярной дружбе Кювилье с прозаиком и журналистом Жаном Экаром (1848—1921) мы не располагаем, хотя позднее она признавалась в письме к Боброву, что писала ему письма, будучи гимназисткой. Еще менее вероятна дружба с популярным поэтом, драматургом и прозаиком Франсуа Коппе (1842—1908), широко переводившимся и в России. По словам Б. Дюшатле, Кудашева рассказывала ему, что, будучи еще ребенком, написала Коппе письмо после прочтения его романа «Виновный» (1897). Роман сразу после выхода был переведен на русский и переводился еще несколько раз под разными заглавиями.

¹⁰¹ «Это было горячо и талантливо»: Письма С.П. Боброва к А.П. Квятковскому / Публ. Я. Квятковского; Подг. текста, предисл. и комм. Д. Давыдова // Новый мир. 2009. № 8. С. 148 (письмо от 13 марта 1948).

его шмуцтитуле, вышел 5 апреля 1916 г., но до Кювилье книга дошла позже. 1 мая 1916 г. она писала Боброву: «Милый Сергей Павлович, мне на днях передали Ваш альманах, а за два дня до этого я его случайно за витриной увидела и купила. — Вчера же была у подруги Жоржет¹⁰², и ее брат рассказывал о том, как Вы спрашивали мой адрес. Не знаю, отчего Жоржет не занесла Вам его. — Или она сама не знала, может быть, — что, впрочем, маловероятно. — В конце концов я виновата в том, что сама не писала Вам и не приходила, но я думала, что Вы на войне, — а кроме того, эта зима как-то прошла у меня очень глухо и слепо ко всем, — и я еле бывала у самых близких. — Теперь я скоро уезжаю, недели через две, — если не скорее. — Зашла бы к Вам, но боюсь, после такого перерыва как-то неудобно вдруг. — А мне очень интересно было бы послушать о всех этих стихах, — я почти ничего не поняла, но меня мучает, когда смеются над такими. Ведь Вы понимаете свои, — и Платовские, например?»¹⁰³ Таким образом, судя по всему, инициатива публикации исходила от Боброва, как, возможно, и выбор ее произведений, существенно отличавшихся от основной футуристической продукции альманаха¹⁰⁴. Недаром И.А. Аксенов в эпистолярном отклике на сборник замечал его редактору: «<...>а откуда Вы достали союзницу. Конечно не без Меріпа, но построено»¹⁰⁵. Сама идея опубликовать французские стихи в русском литературном альманахе в контексте тех произведений, что составили второй сборник «Центрифуги» (например, опусы «от Федора Платова»), уже не выглядела столь экстравагантной, как за два года до этого. Правда, рядом со стихами

¹⁰² Ж. Бом (Bohm), подруга Кювилье еще с гимназических времен, с которой она, если верить ее позднему интервью Б. Носику, пошла в первый раз в гости к Волошину в 1913 г. О возникшем между Бобровым и Бом чувстве см. нашу публикацию: *Обатнин Г.* Роман в шести письмах // Русско-французский разговорник, или/ou Les Causeries du 7 Septembre: Сборник статей в честь В.А. Мильчиной. М., 2015.

¹⁰³ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 17—17 об.

¹⁰⁴ В известной статье Л. Флейшмана «История Центрифуги» материалы второго сборника разложены на две группы: лета-осени 1914 г. и второй половины 1915 г. (*Флейшман Л.* Статьи о Пастернаке. Bremen, [1976]. С. 74 (Center for Study of Slavic Languages and Literatures. The Hebrew University of Jerusalem)). Стихи Кювилье, таким образом, попадают в первую из них.

¹⁰⁵ Письмо от 14 апреля 1916 г.; *Аксенов И.А.* Из творческого наследия: В 2 т. Т. 1. С. 70. В цитату, очевидно, вкралась опечатка, а личность Мепэна не установлена (Там же. С. 503).

Кювилье за подписью Мар Иолэн были помещены переложения самого Боброва из Лерберга, Корбьера, Рембо и Новалиса. Видимо, Бобров звал поэтессу и в третий сборник «Центрифуги», по крайней мере это объясняет пассаж из ее письма к нему от 10 февраля 1917 г.: «Посылаю Вам дюжину стихотворений, выберите из них; — их же я не выбирала почти, набрала уже переписанных»¹⁰⁶. Судя по письму Аксенова к Боброву от 19 августа 1917 г., в этом случае у нее был шанс оказаться в избранной компании: «Вот что я предлагаю: Подберите материал — Дельту, Шиллинга, Пастернака (если он не слишком толст, а также и стихотворные вещи) и Майю. Я пришлю за ними приятеля, и мы все это здесь напечатаем к осени, когда и выпустим в продажу»¹⁰⁷.

В архиве Боброва сохранилась подборка из одиннадцати стихотворений Кудашевой. Пять из них в дальнейшем вошли в ее второй сборник стихотворений: «Au balcon du septième étage...» (Москва, 1915) под названием «Самоубийство»; два других, «La nuit quand je dors, il vient...» (1915) и «Il était un petit navire...» (март 1915), — в составе первого цикла книги «К В. Иванову»; «Strophes Saphiques» (ноябрь 1915)¹⁰⁸, потеряв заглавие, открывает книгу и называется «Les soifs des saintes et des héros...»¹⁰⁹; наконец, «Mon Etoile est pour tes mains éclore...» (август 1916) называется здесь «Etoile et Rose»¹¹⁰. Из перечисленных два первых текста, а также следующие за ними стихотворения «J'ai trop dit de paroles folles...» (1914) и «Il ne faut ni pleurer, ni parler...»¹¹¹ (март 1915), так и не увидевшие света, объединены в цикл — листы, на которых они записаны, имеют

¹⁰⁶ Далее следовало перечисление названий стихотворений (РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 21—21 об.).

¹⁰⁷ Аксенов И.А. Из творческого наследия. Т. 1. С. 146. Дельта — название так и не увидевшего свет стихотворного сборника С. Боброва; Е.М. Шиллинг (1892—1953) — поэт, печатался в изданиях «Центрифуги», член Московского лингвистического кружка.

¹⁰⁸ «На балконе седьмого этажа», ««Ночью, когда я сплю, идет...», «Жил один кораблик», «Сафические строфы» (франц.).

¹⁰⁹ «Жажды святых и героев» (франц.).

¹¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2554. Оп. 2. Ед. хр. 717. Л. 1—4; *Koudacheff Princesse Marie. Sur l'Écume. Paris: E. Figuière, 1929. P. 29, 17, 14—15, 11, 25—26* (далее сноски на эту книгу даются сокращенно в тексте: *Sl'É* и номер страницы).

¹¹¹ «Я сказала слишком много сумасшедших слов», «Не надо ни плакать, ни говорить» (франц.).

нумерацию зеленым карандашом, как и некоторые другие материалы для третьего сборника «Центрифуги». Возможно, именно эти четыре стихотворения Бобров первоначально выбрал для публикации.

В письме к известному литературоведу, занимавшемуся в том числе творчеством Роллана, Т. Мотылевой от 16 ноября 1972 г. М.П. Кудашева-Роллан сообщала, что три дня назад получила письмо из Киева за подписью Александра Е. Парниса:

Il m'écrit qu'il fait un travail sur le poète Khlebnikov et il m'écrit que dans le «Second Recueil de la «Centrifuge» il y a des poèmes de moi à côté de ceux de Khlebnikov! — Apres cela il me pose des tas de questions parmi lesquelles il me demande si j'ai connu Volochine, Mandelstam, etc. Et il me parle d'un poète dont le nom est Vadim Bayan qui dit il m'a connue (!) (moi je ne me souviens absolument pas de lui) et qu'il avait des poèmes de moi (!! ??)¹¹².

Далее Кудашева попросила Мотылеву сделать для нее фотокопию «Второго сборника Центрифуги», обратившись, если потребуется, за помощью к госпоже Бобровой, а также написать Парнису об интересующих его вещах. Но, как мы уже упоминали, она и сама написала ему письмо¹¹³.

¹¹² «Он пишет, что занимается поэтом Хлебниковым и что во «Втором сборнике Центрифуги» помещены мои стихи рядом со стихами Хлебникова! После этого он задает кучу вопросов, среди которых спрашивает, знала ли я Волошина, Мандельштама etc. И он мне говорит о поэте, чье имя Вадим Баян, который говорит, что он со мной знаком (?) (я же абсолютно его не помню) и что у него есть мои стихи (!! ??)» (франц.); ИМЛИ. Ф. 5. Ед. хр. 21. Л.15. В самом деле, сразу за стихами Кудашевой во «Втором сборнике Центрифуги» следуют два стихотворения Хлебникова. Имя поэта-футуриста Вадима Баяна (В.И. Сидорова, 1880—1966) в корреспонденции Кудашевой нам ни разу встретилось. Кудашева могла встречать его и в Феодосии 1920 г., где анонсировался вечер его поэзии в обществе ФЛАК (см.: *Купченко В.П.* Феодосийский литературно-художественный кружок // Вопросы литературы. 1976. № 4. С. 313, а также: Письмо Э.Л. Миндлина В.И. Сидорову (В. Баяну): еще о литературной Феодосии // Гардзонио С. Статьи по русской поэзии и культуре XX века. М., 2006. С. 169).

¹¹³ По поводу другой своей публикации в письме к М.А. Тахо-Годи от 6 октября 1961 г. Кудашева признавалась: «Совершенно не помню сборника, выпущенного в Феодосии в 1920 году, и совершенно не представляю себе, какие стихи там были опубликованы»; к этой теме она вернулась и в письме от 17 января 1962 г., и наконец, получив необходимую информацию, писала

Остается добавить, что именно Бобров был выбран Кювилье в качестве издателя первого сборника ее стихотворений, который тогда носил название «Palimpseste», однако его история — предмет для отдельного разговора.

* * *

Майя Кювилье была дочерью французской гувернантки и русского подполковника и лишь в 1916 г. стала княгиней Кудашевой¹¹⁴. Поэтому упомянем случай любопытной модификации еще одной роли, в которой традиционно выступали двуязычные писатели. В статье М.П. Аракеловой и А.А. Городницкой ««Очарованная душа»: М.П. Кудашева-Роллан» высказывается предположение, что начало рецензии П.С. Когана на «Хулио Хуренито» И. Эренбурга включает в себя публикацию нескольких французских стихотворений Кудашевой¹¹⁵. Это наблюдение интересно не только тем, что добавляет к скромному списку публикаций поэтессы еще одну позицию, но и тем, что Коган, чьим секретарем работала Кудашева, видимо, знал ее историю, однако рассматривает здесь ее стихи в «великосветском» контексте, как творчество княгини, привыкшей по-французски «выражать свои чувства с детства»¹¹⁶. Именно здесь, кажется, впервые печатно появляется версия о любви княгини-поэтессы и еврея-чекиста в красном Крыму, позже то и дело всплывавшая в мемуарной литературе при упоминании имени Кудашевой¹¹⁷. В книге Когана история якобы изложена в чем-то письме,

---

16 марта 1962 г.: «Передайте мою благодарность профессору А.Л. Григорьеву за его обещание подарить мне “Ковчег”, когда я приеду в Москву или Ленинград... <...> (совсем не помнила о своих стихах, опубликованных в Ковчеге, должна признаться, что они плохи.)» (Письма мадам Мари Ромен Роллан к М.А. Тахо-Годи (1961—1976) // Лосев А.Ф., Тахо-Годи М.А. Эстетика природы. Природа и ее стилевые функции у Ромена Роллана. М., 2006. С. 400—401).

¹¹⁴ О ее происхождении см. в нашей работе: *Обатнин Г.В.* Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним // Россия и Запад: Сб. статей в честь 70-летия К.М. Азодовского. М., 2011. С. 346—348.

¹¹⁵ Российская интеллигенция на родине и в зарубежье: Новые документы и материалы. М., 2001. С. 168.

¹¹⁶ *Коган П.С.* Литература этих лет. 1917—1923. Иваново-Вознесенск, 1924. С. 67.

¹¹⁷ В последний раз, правда в несколько ином оформлении (бацька Иван, то ли коммунист, то ли разбойник), она встретилась нам в беззаботной по отношению к фактам журнальной статье: *Пэгги Лу.* Майя Кудашева и Ромен Роллан: государственный брак // *Караван историй.* 2008. Декабрь.

обрывок которого был найден в одном из дворцов, ныне превращенном в санаторий:

Княгиня, вас полюбил чекист-еврей. Когда пришли в Крым белые, они расстреляли чекиста. Офицер, освободивший вас от красных, был сыном барона, носил звучную фамилию. Он не знал, что вы написали трогательные стихи о вашем погибшем любовнике на французском языке — потому что на этом языке вы привыкли выражать свои чувства с детства <далее следуют четыре стихотворения Кудашевой — Г.О.> Я перечитываю эти стихи, я смеюсь до слез и готов плакать. Рыдания вздымают мою грудь, потому что мне жалко вас и вашего любовника. А смеюсь я потому, что ваша любовь, как это длится уже тысячи лет, снова насмеялась над логикой. Я не люблю логики и «законов истории» и всегда хохочу до упаду, когда их постигает конфуз. Он полюбил вас за то, что в ваших жилах течет древняя кровь, — он, чья «историческая миссия» — уничтожить дворян, епископов и банкиров, он, пришедший в мир для того, чтобы нанести смертельный удар, доставил вам великие радости и разбудил ваш поэтический гений. А аристократический поручик, назначенный охранять счастье князей, убил вашу любовь. <...> сударыня, вы спугали все расчеты истории и заключили союз сердца с чекистом против барона. Вы, маленькая, бледная, с узкими пальцами и французскими стихами, строите гримасы непреложным историческим законам, утвержденным гениальнейшими мыслителями! <...> Вы показали всему миру, что социологи, натуралисты и политики, воображающие, будто они умеют строить отношения людей и вообще рассчитать что-либо в природе и в жизни, — просто глупые ребята. <...> Ураган — это ваша вздымающаяся грудь. А войны и революции — это ничего не стоящий ветерок¹¹⁸.

Гипотезу исследователей можно подтвердить документально: в письме к М. Волошину от 24 января 1927 г. Кудашева, возвращаясь к тому, что ей мешает плохое отношение к ней его жены¹¹⁹, замечала, что многие старинные друзья Волошина

---

¹¹⁸ Коган П.С. Литература этих лет. С. 67—69.

¹¹⁹ Это отношение с годами не изменилось. Так, давая В.П. Купченко отзыв на его статью о соре Волошина и Мандельштама, М.С. Степанова заметила: «Майя тоже была штучка... В высшей степени женщина. Она крутила и с Эрэнбургом, и с белогвардейцами... Пра называла ее “жидовская шельма”. Собирала

стали к ней иначе относиться: «<...> я знаю, что одному человеку, с которым я познакомилась, Лиля Эфрон сказала: “Она опасный человек, — не дружите с ней; прочтите книгу Кога-на ‘Литература последних лет’, и Вы увидите, что это такое”. А в этой книге — мои стихи о Батько и очень измененная история с ним. Я страшно огорчилась, когда этот господин сказал мне это»¹²⁰. О том же «батько» Кудашева спрашивала Волошина и ранее, например в письме от 22 октября 1921 г.: «<...>узнал ли что о Батько? Написал ли о нем стихи?»; 7 ноября 1921 г.: «Знаешь ли что о Батько?» Оба раза после этого она упоминает С. Кулагина¹²¹. 23 марта 1922 г.: «<...>о Батько напиши стихи. Я о нем помню с любовью, а ты?»; наконец, 11 июля 1924 г. она, прося Волошина помирить ее с Белым, добавляла: «<...>м.б., до него дошли слухи о моих “авантюрах” — и он, как Нилендер, подозревает меня в неподобающем? Расскажи ему все о батько, чтобы он понял»¹²². Стихи о «батько» Волошин, судя по всему,

---

поэтов, знаменитостей...» (Мария Степановна Волошина. О Максе, о Коктебеле, о себе. Воспоминания. Письма / Сост., подг. текста и прим. В. Купченко. Феодосия: М., 2003. С. 233). Здесь нет возможности входить в детали сложных взаимоотношений между Кудашевой и Эренбургом с двумя его спутниками, с одной стороны, и влюбленным в Кудашеву Мандельштамом — с другой, сошлемся пока лишь на свидетельство Волошина в его позднейшей мемуарной заметке: «Маяя всю осень 1919 года была бурно влюблена в Эренбурга, топилась, травилась и т.д. Весь ритуал Майиной влюбленности» (Волошин М.А. Собр. соч. М., 2008. Т. 7. Кн. 2. С. 421; на самом деле описанные события могли происходить лишь на рубеже 1919 и 1920 гг.). Б. Носику М.П. Кудашева созналась, что у был «маленький роман с Эренбургом. Но мы только целовались» (Носик Б. Майя // Носик Б. Тот век серебряный, те женщины стальные...М., 2013. С. 320).

¹²⁰ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 112.

¹²¹ Волошин общался с С.А. Кулагиним, начальником ЧК 30 дивизии; А. Цветаева вспоминала, что он ему читал вслух свои стихи (см.: Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина: Документальное повествование. СПб., 1996. С. 302).

¹²² ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 17 об., 19, 28 об., 49 об. В.П. Купченко считал, что наименование «батько» указывает либо на самого Нестора Ивановича Махно, либо на одного из атаманов-«махновцев», об общении Волошина с которым после прихода красных в Крым вспоминала А.И. Цветаева (Купченко В. Странствие Максимилиана Волошина. С. 303). Позднее ученый изменил свое мнение, и во втором томе «Трудов и дней Максимилиана Волошина» история с «батько» излагается несколько по-иному: Кудашева познакомилась Волошина с одним из вожakov «махновцев», батькой Иваном (СПб., 2007. С. 111). В комментарии к стихотворению Волошина «Дикое поле» (1920),

не написал, зато свой цикл из семи стихотворений под названием «Роёте» и датой «Moscou 1922» (в авторской машинописи стоит «Théodosie 1920. Moscou 1923»¹²³), первое, третье, шестое и седьмое стихотворение которого были опубликованы Коганом, Кудашева (при помещении цикла в своем втором стихотворном сборнике) посвятила Волошину и послала ему (*SPÉ*: 85).

Обстановка, описанная в стихах этого цикла с женской искренностью, впечатляет. Попойка до утра с каторжными

посвященного в авторизованной машинописи Махно, также указано со слов А.И. Цветаевой, что Волошин общался с одним из маховских атаманов, батькой Иваном (*Волошин М. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 535*). Личность этого человека достоверно не установлена, однако обратим внимание на воспоминания капитана парохода «Возрождение», который курсировал между Феодосией и Батуми, о начале красных в Феодосии в декабре 1920 г. О допрашивавших его сотрудниках ЧК, откуда мемуарист вырвался благодаря заступничеству неизвестной ему Марьи Тихоновны, он писал: «Махно — человек небольшого роста, коренастый, с простым краснощеким лицом, в кожаной куртке, в барашковой шапке с мешкообразным красным верхом. Каляев, некто в буденовке, такого же телосложения, в солдатской шинели, вида совсем неопределенного. Третья фигура — Петров — самая яркая. Очень высокий, с лилово-синим лицом, с дрожью рук кокаиниста, в длинной кавалерийской шинели, с петлицами одного из старых гусарских полков, с выправкой офицера.

Что спаяло этих людей? Почему они попали в революционную тройку? — Кровь, алкоголь, вероятно, уголовное прошлое. От них я снова услышал о Марье Тихоновне, но они также упомянули и о Смидовиче» (*Алексеев Н. Крым Бэла-Куна // Возрождение. 1931. № 2100. 3 марта. С. 3*). Спасительница Алексеева упоминается в письме Кудашевой к Волошину от 4 мая 1921 г.: «Это письмо везет тебе Мария Тихоновна Крымская, которую хорошо знают Шмелев (известный писатель, чей сын погиб в крымском терроре. — Г.О.) и Вересаев (ее муж был здесь долгое время в Особ<ом> Отд<еле> Следоват<елей> при Ковалеве, а теперь он уполномоченный Крыма, т.е. ревизор над Особ<ым> Отделом Крыма)» (*ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 24*). В недавней перепечатке данных мемуаров все действующие лица этой сцены оставлены без комментариев, см.: *Красный террор на Юге России. / Сост., предисл. и комм. — д.и.н. С.В. Волков. М., 2013. С. 382*. В книге Л. Абраменко «Последняя обитель. Крым, 1920—1921 годы» есть информация по крайней мере об одном из них: «Каляев (Габинский) И.П. (1885—1956), уполномоченный особого отдела ВЧК на Юго-Западном и Южном фронтах» (*Киев, 2005. С. 105*; см. также: *Бажан О., Золотарьов В. Конвеєр смерті в часи «Великого терору» в Україні: технологія розстрілів, виконавці, місця поховань // Краснознавство: Науковий журнал. 2014. № 1 (86). С. 184*). В 1919 г. Габинский возглавлял Каневскую ЧК и в 1926 и 1931 гг. публиковал в периодике мемуары о своей работе на Украине (приносим благодарность П.Е. Поберезкиной за помощь в поиске этих сведений). Если Махно-чекист и есть искомый Батько, то расстрелять его могли только свои же, во время масштабной чистки рядов в 1921 г.

¹²³ ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. № 164. Л. 33.

песнями, руганью и целованием рук героини служит антуражем третьего стихотворения, которое заканчивается упоминанием офицеров-белогвардейцев и красноармейцев:

<...>

Les officiers de la Garde Blanche,
Et l'Armée Rouge. — et moi, qui me penche
Sur toi, — et toi, — et ceux-là qui chantent!¹²⁴

Это несколько туманное замечание станет более ясным, если обратиться к ее русскому стихотворению, сюжет которого составляет плач по двум мужьям, за одним из которых, наверное, следует разглядеть С. Кудашева:

О двух плачу одними слезами
И разных слов для двух не нахожу.
Один пал за Красное Знамя
И верил только в его Звезду.

И пал другой за Орёл двуглавый
И верил только в его Венец.
Одну свечу за обоих ставлю —
Не дал ты, Боже, мне двух сердец.

1921. Март.
Феодосия
Мария Кудашева¹²⁵

¹²⁴ «Офицеры Белой Гвардии, / И Красной Армии — и я, кто наклоняется / Над тобой, — и ты — и те, кто поют!» (франц.).

¹²⁵ Листок между писем к М. Волошину; ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 11. Отметим, что среди ее русских стихов этого времени есть и прославляющее военное дело мужа стихотворение «У коня — львиная морда...», эпиграфом к которому поставлена неточная цитата из «Певца во стане русских воинов» В. Жуковского с упоминанием фамилии Кудашева («Кудашев скакал через ров / И летал через стремнину», правильно: «Кудашев скоком через ров / И летом на стремнину»). Через проекцию адресата стихотворения на героя войны с Наполеоном осмысляется и его смерть: «Как ты — не кончил он похода, / Как ты — пал на заре лет» (ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1035. Л. 10; герой Отечественной войны 1812 г. Н.Д. Кудашев погиб в Битве народов в 1813 г.). В таком случае стихотворение предположительно можно датировать как написанное не ранее 1920 г., так как ее муж умер от тифа 21 января.

Шестое стихотворение из цикла, которое было приведено в книге Когана, описывает, судя по упоминаемым обстоятельствам (ямы, куда бросают убитого, стонов погребаемого раненого, собак, выкапывающих и пожирающих тела, *SI'É*, 99), расстрел, который широко практиковали органы ЧК в Феодосии. Еще более откровенно атмосфера «чрезвычайки» предстает в заключительном стихотворении цикла, посвященного «Моему Другу бандиту»:

Mon Ami était un bandit,
Roi des bagnes, prince des bouges.
Dieu l'a pris en son paradis,
Ruisselant de sang chaud et rouge¹²⁶. (*SI'É*, 91)

Наконец, в пятом стихотворении, написанном от лица «нас», говорится, что «nos yeux avares de larmes / Et nos mains avides de sang» и что за это «Nous brûlerons en enfer»¹²⁷ (*SI'É*, 89).

В свете нашей темы этот цикл Кудашевой интересен еще и как пример взаимодействия французской и русской частей ее творческого наследия. В заключительных строках первого же стихотворения, опубликованного Коганом и открывающего цикл, описываются, судя по всему, обстоятельства знакомства героини с красноармейцами (героине протягивают стакан и приказывают пить), а в характеристике их командира («с черным лицом и глазами волка») мы встречаем образ звезды на сердце. Видимо, имеется с виду отверстие (например, от пули):

<...>
Et sur le cœur, un l'étoile
Rouge comme un trou¹²⁸.

Тот же образ еще раз возникает в четвертом стихотворении цикла при описании обстановки комнаты, где, судя по всему, находится убитый: стол с картами и патронами, лампадка перед

---

¹²⁶ «Мой Друг был бандитом, / Королем каторг и принцем трущоб, / Бог взял его в рай, / Мокрый от теплой и красной крови» (*франц.*).

¹²⁷ «наши скупые на слезы глаза / И наши руки кровожадные», «Мы будем гореть в аду» (*франц.*).

¹²⁸ «И на сердце звезда / Красная, как дыра» (*франц.*); Коган П.С. Литература этих лет. С. 67.

иконой, трескотня пулеметов в ночи «et sur ton cœur / Cette fleur de rougrre»¹²⁹ (*Sl'É*, 88). Тот же красный цветок-звезда на сердце возлюбленного упоминается в ее русском стихотворении, позднее опубликованном в сборнике «Поэты наших дней» (1924):

Из Москвы и Новочеркаска
От тебя я ушла сюда.
Но меня ты настигла властно,
О Неистовая Звезда!

Не на стяге, не на планете
Загорелся мне алый знак,
Не на шлемах Ваших Солдатов,
А на сердце твоём, мой враг!

И я знаю, борьба напрасна.
И склонившись тебе на грудь,
Я целую цветок Красный,
За который и я умру.

Январь 1921 Феодосия¹³⁰

Наконец, еще раз образ красной звезды на сердце был использован в заключительных строках первого стихотворения из диптиха, посвященного Льву Троцкому: «Une étoile rouge sur le cœur / Gomme un trou ouvert par une balle»¹³¹ (*Sl'É*, 95). Однако важно также отметить, что впервые он появляется в ее стихотворении 1915 г. «Et vous êtes le lapidaire...», посвященном Вяч. Иванову: «Une cendre ou un astre au cœur»¹³².

¹²⁹ «и на твоём сердце / Этот пурпурный цветок» (*франц.*).

¹³⁰ Автограф в подборке, посланной Волошину: ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 6. Ед. хр. 165. Л. 2. С пунктуационными разночтениями и датой 1922 г.: Поэты наших дней: Антология. М.: Всероссийский союз поэтов, 1924. С. 48. Отметим, что здесь она оказалась под одной обложкой с Вяч. Ивановым, поместившим свое стихотворение «Голуби вы глубинные...» (Там же. С. 32).

¹³¹ «Красная звезда на сердце, / Как отверстие, сделанное пулей» (*франц.*). Дата под этим стихотворением, «Moscou 1922», совпадает с той, что стоит под его машинописным автографом, который Кудашева послала Иванову в Рим. Впрочем, здесь стихотворение не имеет заглавия и никому не посвящено (РАИ. Карт. 5. Оп. 6. № 7. Л. 37).

¹³² «Пепел или звезда на сердце» (*франц.*); ИРЛИ. Ф. 562. Оп. 3. № 1034. Л. 23; об обстоятельствах его написания см. подробнее: Обатнин Г.В. Кювилье, Иванов и Беттина фон Арним. С. 369—370.

Эпоха, в которой жила Кювилье-Кудашева-Роллан, требовала от ее личной судьбы исключительности, того же ожидало ее литературное окружение. Московская француженка, красная княгиня, потом секретарь и супруга знаменитого французского писателя-пацифиста, поставленного в сложные отношения с советской властью и ее главой, — все эти роли хотя бы в силу пограничного их характера исключали спокойную жизнь. Однако даже у исключительности существуют свои традиции, и одной из них была русско-французская транснациональная литература, частью которой видится творчество этой поэтессы.